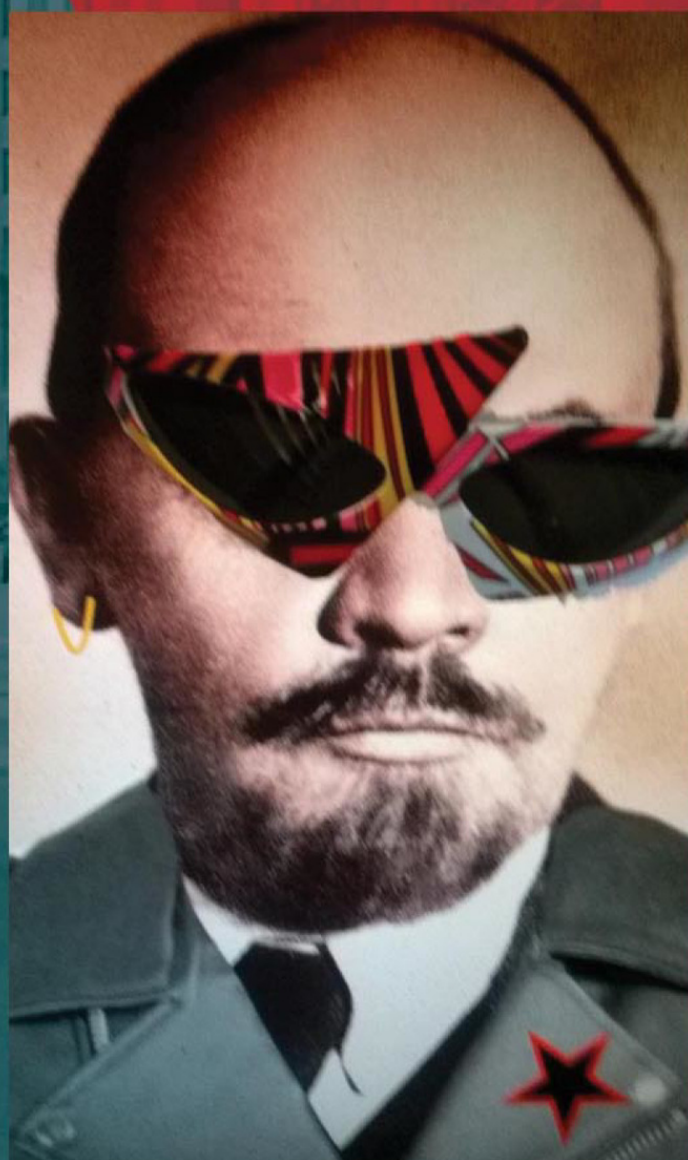

А Н Н А Б Р У

ПАНК- ХРОНИКИ СОВЕТСКИХ ВРЕМЕН

Анна Бру

Панк-хроники советских времен

«Алетейя»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Бру А.

Панк-хроники советских времен / А. Бру — «Алетейя», 2020

ISBN 978-5-00165-114-7

Книга открывается впечатляющим семейным портретом времен распада Советского Союза. Каждый читатель, открывавший роман Льва Толстого, знает с первой же страницы, что «все семьи несчастны по-своему», номенклатурные семьи советской Москвы несчастны особенно. Старший брат героини повествования, в ту пору пятнадцатилетней девочки, кончает жизнь самоубийством. Горе семьи, не сумевшее сделаться общим, отдаляет Анну от родителей. У неё множество странных, но интересных друзей-подростков, в общении с ними Анна познает мир, их тени на страницах этой книги. Как и большинству её сверстников, Анне тесно в жестких рамках общества. Жизнь дает ей шанс – она уезжает в Америку, чтобы еще раз испытать свою судьбу. Спустя годы Анна приезжает с мужем отпраздновать «юбилей» своего брака на остров Барбадос в отель, где жил и умер Рудольфо Валентино. С его именем связано поверье, что фанаты, приезжающие ему поклониться, умирают от загадочного вируса. От неизвестного вируса заболевает Анна, во сне ей является знаменитый писатель Уильям Берроуз, который объявляет ей, что со смертью надо подождать, и ей нужно будет скоро вернуться в Москву.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00165-114-7

© Бру А., 2020
© Алтейя, 2020

Содержание

Лагуны поэтической памяти	7
Панк-хроники советских времен	8
Начало	8
Дом литераторов	11
Рождение	15
Память	19
Детский сад	23
Мой брат	25
Безумие	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Бру
Панк-хроники советских времен

Моим детям – Антоцу, Дереку и Зое.

© А. Бру, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Лагуны поэтической памяти

Неправильно будет сказать, что данная книга – попытка автобиографии. Это скорее ананез из выборочных сведений, надиктованных писательнице Анне Бру её памятью. Достаточно неприглядной была советская действительность описываемых ею времен. Под пером автора очевидная фантазмагория обрела порядок и дисциплину. Нарочито смещаемой повествовательной линии не удастся остудить читательский интерес. Напротив, не кантиленное течение хроник помогает самобытной писательнице приоткрыть свою душу.

«С последней прямотой», как у Мандельштама. А второстепенное для неё, и это твердая позиция, как в том же стихотворении великого поэта, «лишь бредни, шерри-бренди». И в этом Анне Бру удастся читателя с неизменным успехом убеждать.

Что же скрывается под эмоционально минимизированным названием «Хроники»? Все как полагается – детство, отрочество, юность. И совсем не простое становление личности. Ведь это особый груз – видеть жизнь не как зашоренное прохождение во времени из точки «А» до точки, скажем, «КА». А пропускать каждый шаг на этой сложной по обстоятельствам дороге через призму врожденного дара художника.

«Висевшие в коридоре олени рога меня завораживали. Я рано поняла, что жизнь несправедлива. Вчера этот олень бродил в первозданном лесу, а сегодня кучка пьяных, незнакомых людей легкомысленно вешала свои поддельные бобровые пальто на его грандиозные рога. Оказавшись в нашем доме, эти незнакомые люди надолго исчезали из их собственных жизней» – вспоминает Анна страницы раннего детства. Читатель волей – неволей начинает сопереживать; доходчивый, доверительный язык писательницы делает каждого углубляющегося в эту книгу соучастником описываемых событий.

Тернистым, непростым был путь главной героини. Тем более что, как зафиксировала Анна, они с братом «унаследовали от прежних поколений внутреннюю тревогу, неуверенность и утрированное чувство хрупкости окружающего мира».

Представленные в «Хрониках» персонажи не сугубо встречавшиеся автору в ту или иную пору личности, а в большинстве суммированные, обобщенные герои из среды советских подростков её поколения. Она видит их на расстоянии, описывает без прикрас, но не отделаешься от теплоты и нежности, которые неотступно движут автором.

Исторически написанные по-английски, «Хроники» предстают перед нами в авторском переводе. Переведены далеко не все главы. Есть надежда, что настанет час, и свет увидит объемистый том «Панк-хроник» Анны Бру.

Читатель имеет возможность отыскивать смысловые увязки с прозаическим текстом в опубликованных под общей с ним обложкой стихах. Несомненно, что отыщет, но стоит ли, если вдуматься, это делать? Как и не стоит искать истоков её стихосложения в творческом наследии её отца, прекрасного поэта Юрия Гордиенко. Впрочем, может быть со временем кто и займется этим. И обнаружит: истоки истоками, но Анна Бру – поэт интересный, самобытный. И если чувствуется порой в её стихах какая-то недосказанность, то это лишь подтверждение тому, что душа поэта – тайна. Как пишет поэтесса:

– Моей души сиротской беспризорность
В букетах роз твоих погребена.

Павел Козлов

Панк-хроники советских времен

*Никогда никому ничего не говори.
Дж. Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи»*

Начало

Мои первые воспоминания не так уж плохи. Мне помнится, как я смотрела в замочную скважину. Год 1958-й от рождества Христова. Я в коридоре, в котором семь дверей. Одна из них ведет в мир. Сегодня и каждый день она закрыта, пока кто-нибудь из моей родни её не откроет. Я жду и надеюсь.

Когда дверь открывается, я вижу Землю под лестницей в овальном, туманном окне и представляю, как покину это место навсегда.

Я родилась в Москве, в СССР, в 1956 году, внепланово. Мои родители, за четыре года до моего рождения, были вовлечены во взрывоопасные и непредсказуемые отношения. Один был похож на электрический провод: тонкий, интенсивный, сильно заряженный, с плохой изоляцией. А другая – тихая, гладкая, как медуза, набожная, но ядовитая. Всем было ясно, что они друг другу не подходят, кроме них самих. Они боролись за совместный призрак счастья, уничтожая в этой битве всех и вся. Я результат этой неистовой борьбы. Я их гибрид.

Однажды мой отец с балкона пятого этажа выбросил на тротуар холодильник. Никто не пострадал, нам повезло.

Моя мать, в один конфликтных дней, методично изрезала на мелкие кусочки шубу, привезенную из Чешской республики. Шуба принадлежала одной из поэтесс – подруг моего отца. Нам повезло опять. Никто не был убит.

Молчаливая выносливость, благословенный, удивительный дар, не относился к ниспосланным моим предкам достоинствам. Моя мать, какие бы действия она не предпринимала, и как бы ни кипела внутри, не срывалась на крик, но действовала. Она поджимала губы, стискивала зубы и в дело шли тарелки, ложки, стулья, колбаса. Мама не нападала, а защищалась. Она осталась сиротой в подростковом возрасте. Её мать, моя бабушка, обварилась кипятком и умерла мучительной смертью на глазах у мамы. Родственники приехали из деревни и забрали последние пожитки. Ей дали опекуна, который попытался её соблазнить и прописаться у неё в комнате. Защищаясь, она разбила окно табуреткой. Соседи вызвали милицию и опекуна забрали для выяснений. Суд оказался на стороне мамы, так как у опекуна уже была судимость. Иллюзий у мамы не осталось. Суровая действительность диктовала.

Я ничего не знала о маминой жизни. Для меня отыскать закатившуюся под диван колбасу и съесть – было пределом мечтаний. Закатившись под диван, докторская колбаса вкусно пахла и, казалось, светилась в темноте от собственного аромата. Но дотянуться до неё не удавалось. Один из моих воинствующих предков выбросил в окно швабру, ручку которой можно было использовать, как инструмент. Я активно участвовала в процессе эволюции и выживала, как могла.

Окно было дырой во вселенную, куда время от времени бросали всякую всячину. Однажды мой отец выбросил в окно свои стихи «Голубая кукла в кимоно». Восстановить он их не смог, они исчезли. Загадочность и неопределённость главенствовали в нашей семье. Никто никогда не знал, чем закончится очередная битва.

Висевшие в коридоре олени рога меня завораживали. Я рано поняла, что жизнь несправедлива. Вчера этот олень бродил в первозданном лесу, а сегодня кучка пьяных, незнакомых людей легкомысленно вешала свои поддельные бобровые пальто на его грандиозные рога. Ока-

завшись в нашем доме, эти незнакомые люди надолго исчезали из их собственных жизней. Их родственники обрывали наш телефон.

Возникая в дверном проёме, гости кричали: «А, вот и ты! Где твой отец?». Отца моего они использовали, как кредитную карточку. Долг накапливался, но никто никогда не производил просроченных платежей. Незавуалированное желание, как говорила мама, «проехаться за чужой счёт», вызывало в моем отце чувство стыда. Но навязчивым посторонним не было до этого дела. Их дружественное отношение и праздничное дыхание, приправленное частично переработанной «селедкой под шубой», водкой, квашеной капустой с луком, было подобно низко летающим перед бурей ласточкам. Через какое-то время эти веселые, полные шуток люди становились злыми ироничными параноиками с серьезными вестибулярными проблемами. Снова и снова они говорили одно и то же дерьмо, как поцарапанная пластинка. Некоторые, полностью потеряв способность ориентироваться, падали и засыпали, где придется.

В те времена в СССР было много разных, так называемых, «Домов». Дом колхозника, Дом Metallурга, Дом архитектора, Дом кино.

Дом литераторов, мне казалось, был очень загадочным и опасным местом. Отец говорил: «я еду в Дом литераторов», что означало: «Я исчезну на некоторое время». Моя мама садилась на диван и пристально вглядывалась в своё обручальное кольцо, как будто необходимая ей информация была выгравирована на его поверхности.

– Ты хочешь, чтобы я принес оттуда что-нибудь для дома? – предупредительно спрашивал отец мою маму.

Она спокойно, ядовито отвечала:

– Привези с собой эту толстую официантку с пузырьчатой головой (имелись в виду фиктивные кудри), она могла бы помочь нам обслуживать пиитов.

Эти слова моментально приводили моего отца в скверное расположение духа. Для мамы все женщины около литературной среды были потенциальные соперницы и, как она их называла, шлюхи. Отца раздражали мамины комментарии. Его лицо становилось красным, как свекла, усы торчали воинственно, как острые пики из амбразур средневекового феодального поместья. Он кричал: «ты снова это начинаешь?». Она выглядела такой благочестивой в этот момент, будто бы предпочла скорее умереть, чем говорить о других людях что-то холодное и оскорбительное. Дверь за отцом захлопывалась, оставляя за собой беспокойную тишину.

В промежутках между посещением Дома литераторов, поэтическим трудом и размышлениями над смыслом жизни, отец разговаривал со мной весьма странным образом, постоянно цитируя стихи – свои и других поэтов. Делал он это мастерски. Я и сейчас, временами, слышу его декламацию. Некоторые состояния души уносят нас в другую атмосферу, где нет места сквернословию. Речь моего отца делалась возвышенной и чистой. Я всегда ждала этих моментов, умиротворяющих и интригующих. Казалось, именно тогда отец мой чувствовал, что жизнь стоит того, чтобы жить. В глазах его светилось золото надежды, а не потускневшее олово презрения к миру.

Стоило мне задать кому-то вопрос, как тут же возникло слово «занят». И чем вопрос казался проще, тем более «заняты» были окружающие. Я все время ждала, когда кто-нибудь освободится и утолит мой интерес. Чаще всего мне отвечали: «это неизвестно до сих пор», «нет доказательств – так или иначе», или же просто «не знает никто».

Неопределенность, куда больше, чем оленьи рога, влияла на мое отношение к миру. Рога, скорее, были доказательством того, что время каждого когда-то приходит к концу.

– Конеч, – говорил мой отец, – приходит в наименее ожидаемый момент.

Я представляла, как толстый циркач с бородой появится на сцене и бодро объявит: “Finita la Comedia!”, выстрелит из пистолета в воздух, все станет бесполезным, и останется только устремиться в космос.

Лучший способ победить смерть – это умереть.

Двусмысленность была пугающей. Один явно говорил не то, что было на уме. Другой хотел сказать одно, но на словах получалось другое. Третий был неправильно понят и сказал: «идите все к чёрту», что могло означать как хорошее, так и плохое. Возникал бессмысленный произвольный знаменатель, в итоге приводивший к бессмысленности и пустоте.

Еще одним моим открытием стала энтропия. Я поняла, что гораздо больше вещей распадалось, чем возникало. Причина была мне неведома, но баланс просто обескураживал. Свидетельством тому являлись мои игрушки и книги. Куклы мои распадались быстрее, чем их можно было починить, книги разваливались на отдельные страницы, оставляя память о чудных иллюстрациях, на которых было множество фей, гномов, китов и драконов. Должно быть, именно в период распада этот мир кукол, фей и драконов овладевал моим сознанием, как и сознанием других, и возникали тогда новые сказания, легенды или мифы.

Дом литераторов

Отец порой захватывал меня с собой в дом литераторов, что утешало мою маму. Дом литераторов напоминал мне дикие джунгли из моих распадающихся книг. Стоило мне остаться там одной, я полностью теряла ориентацию, вплоть до того, что не могла определить – где запад, где восток. Отсутствие солнца и луны на корню истребляло попытки астронавигации. Неудивительно, что мой отец мог там мгновенно заблудиться и пропасть. Внутри дома правили паранормальные непредсказуемые силы. Отец пропадал в дыму «дубового зала», ресторана для советских поэтов и писателей, стены которого вдруг растворялись, унося своих пленников в другое измерение или соседнюю Галактику.

Домой отец мой мог вернуться в тот же день, мог задержаться и отсутствовать неделю, а изредка бывало – целый месяц. И шло магическое время ожидания.

Отец звонил в те дни отсутствия, чтобы узнать, можно ли ему позвонить. Телефонная связь вдруг становилась никудышной. Его голос окружали космические бури; казалось, что он общается с нами с Альфы Центавры или с облака Магеллана, хотя он клялся, что находится близко. В конце разговора он всегда хотел, чтобы я четко понимала, или, как он выражался, зарубила себе на носу, что он меня очень любит, и это никогда не изменится, даже после его или моей смерти. Глубоко внутри я знала, что он говорил правду. Наша связь была фундаментальной, нерушимой и никто, включая нас самих, не мог её разрушить. Я была его вечностью.

В 60-е годы среди советских литераторов были очень популярны короткие половые связи. Пьянство было неизбежно, как плохая погода. Распущенность вытекала из лабиринтов лимбической системы, подпитывалась алкоголем в качестве катализатора, и делалась скандальной и душераздирающей. Я видела, как страдали обманутые, соблазненные и покинутые индивидуумы обоих полов. Некоторые бросались из окон.

Самым важным предметом, обсуждаемым в пьяном виде, было искусство. Напившись, советские литераторы задавали друг другу один и тот же вопрос: «А кто из нас действительно велик?». «Велик ли Михалков?» «Велик ли Вознесенский?» «Рождественский?». «Твардовский?». И т. д. Имена неугодных властям поэтов старались не произносить. Но каждому хотелось быть великим!

Нередко, не добившись выяснения, переходили в рукопашный бой. Литераторы начинали друг с другом сражаться. Драка разгоралась и высыпала на улицу. Как следствие, «бойцов» сажали в КПЗ или отправляли в ближайший вытрезвитель.

Услуги, оказываемые в вытрезвителе, были прямолинейными и неизбежными. В аду вытрезвителя не было сомнений, что кто-нибудь выйдет оттуда нетрезвым. Или же мертвым, в зависимости от обстоятельств и генетических предпосылок.

Ледяные отрезвляющие души били круглые сутки. Интенсивное вытрезвительное обслуживание было частью волшебной советской экономики, ежедневно принося государству миллионы рублей.

Отрезвляли, как правило, пьяных. Спаивала людей другая отрасль советской экономики – производство и сбыт спиртного. Словно Инь и Янь, они были двумя неотъемлемыми частями одного и того же процесса.

Производство алкоголя и отрезвляющий процесс работали как перпетуум-мобиле, день и ночь. Бутылки портвейна, водки или нездоровой жидкости, называемой вином, опустошали карманы советских граждан в тот же день, когда им платили зарплату. Советские пьяницы, лишённые достоинства и индивидуальности, жили в коммунальных квартирах, где ни у кого, ни от кого не было секретов. Кухни были первой и последней инстанцией, где, в конце концов, месть соседа могла поместить оппонента в ад на всю жизнь, где он превращался в живого

мертвеца, пока не приходило время стать бесповоротно мертвым. Стоило написать донос, и неугодный сосед отправлялся в тюрьму или лагерь.

Заклученные, призраки ада, питавшиеся «баландой» (кипяченой водой с капустой), были обитателями третьего пространства – невидимыми, наиболее продуктивными, трезвыми и дешёвыми. Они производили необходимые различные товары для СССР, а также детали вооружения и все для военной структуры. Голыми руками они копали радиоактивный уран и плутоний, освобождали щелочные переходные металлы – актиноиды и лантаноиды, хранящиеся в недрах Земли. Эти смертники производили щёлочи, кислоты, строили АЭС, заводы, железные дороги, собирали фонари, полные благородных газов, таких как неон, аргон и ксенон. Радиоактивность стала частью их сердец, мозга, кишечного тракта. Их тела светились в темноте. Могилы для себя, как мастера на все руки, они копали сами.

С другой стороны в нашей огромной стране были так называемые «свободные» люди. В подавляющем большинстве к ним относились представители эфемерных профессий – актеры, музыканты, художники, циркачи. К «свободным», не считая исключений, принадлежали литераторы. Чтобы помочь золотой советской экономике, они должны были создавать литературу, которая не только бы возвышала лик советского рабочего и коммуниста, но и была этому рабочему понятна и ясна. Литература строилась на указах «Бюро пропаганды». Не будь пропаганды, любое тоталитарное правительство прекратило бы свое существование через месяц. Беззастенчиво, выдаваемое за литературу пропагандистское чтиво, делало писавших под указку писателей и поэтов привилегированными, «избранными». Тех, кто под указку писать не хотел, просто не публиковали. Тех, кто писали только «в стол», отстаивая собственные принципы. И не строчили «красные агитки» под страхом смерти и тюрьмы.

Мой отец зарабатывал деньги магическим ремеслом, называемым «поэтический перевод» с подстрочников. Ему не так повезло, как Пастернаку, переводившему на русский язык Шекспира. Он переводил, как он выражался, бред сивой кобылы. Я представляла, как кобыла ржала и бредила во сне, а отец в это время сидел рядом с ней в хлеву и печатал на пишущей машинке иероглифы. Авторы, которых переводил мой отец, были поэты советских республик. Он переводил их с подстрочников и зарабатывал деньги, чтобы содержать семью. Писавшие на родных им языках – молдавском, туркменском, киргизском и других – поэты союзных республик нуждались сначала в подстрочном, а затем – в поэтическом переводе на русский. Чтобы их русским братьям – пролетариям было ясно с кем их объединяют. При подстрочном переводе киргизской или туркменской поэзии на русский язык поэмы превращались в нечто бессмысленное, нерифмованное, этакую «мумбу-юмбу». Издательство звонило моему отцу и просило в этой «мумбе-юмбе» разобраться. С удивительным упорством мой отец пытался превращать эту бессмыслицу в поэзию, пока отдельные слова вдруг магически не превращались в стихи, переставали, как он говорил, резать ему ухо. Я с ужасом и волнением вглядывалась в его ушные раковины и мочки, принимая выражение прямолинейно, опасаясь увидеть непоправимое. Так я узнала о существовании метафор.

Конечно, отца любили туркменские и киргизские «поэты», министры культуры или образования в своих республиках. Они щедро поставляли моему отцу алкоголь, так как понимали, что он выполняет очень сложное, важное и деликатное задание. Порой моя мама говорила, что мой отец пропал без вести в одной из азиатских республик. Мы действительно никогда не знали вернется ли он живым.

Рифмовать мой отец умел блестяще. Чем больше ерунды он переводил, тем больше поступало заказов. Министр черной металлургии одной из советских республик написал книгу стихов под названием «Цветы из моей шкатулки». Даже товарищ Брежнев, генеральный секретарь Коммунистической партии, написал книгу под скромным названием «Новая Земля», в которой объявил всему миру, что «экономика должна быть экономной». Книга эта, слава богу, была написана на русском языке. Перевод не требовался.

Итак, мой отец был советский литератор. Много разных дам кружилось вокруг литераторов и их притягательного Дома. Сравнение, конечно, не ахти, но мне вдруг вспомнились советские баллистические ракеты и космические спутники с обезьянами и собаками, кружившие вокруг Земли в конце 50-х, угрожая всему миру своим преимуществом в космосе. Определенные женщины в СССР также были подобны оружию и спутникам. Молодые и старые, они вращались вокруг литераторов, используя разноплановый стратегический арсенал, в надежде кого-нибудь зацепить.

Большинство из этих блудниц носили грубые домашние пальто с популярным в СССР искусственным мехом под бобра и чулки телесного цвета со швами, которые бежали по их выдающимся ляжкам вплоть до чёрной дыры, из которой было не так просто выбраться.

Было очень сексуально носить шелковистые кружевные нижние юбки вокруг пухлых бедер и глубоко расколотые свитера, где, будоража мужское сознание, колыхались желанные белые молочные груди, которые сводили литераторов с ума и увлекали их в волшебный мир спонтанного секса, прямо как игра в рулетку в казино, когда никогда не знаешь, что зацепишь.

Время от времени слабый пол выпускал на литераторов своих собак и обезьян, чтобы заманить работников пера в брачный капкан или, хотя бы, «поймать дитя», чтобы получать ежемесячные алименты. Поймать «продуктивного» (избранного) литератора было сложной задачей. Большинство из них было уже оккупировано, или имело несколько тайных семей на стороне, в зависимости от их ранга. Были «народные поэты и писатели», были «Писатели Республики», были даже «Писатели Советского Союза» – особо желанная цель.

Существовали также «профессиональные союзы» всех разных творческих профессий, что позволяло неустанно присматривать за нестойкой богемой. Чтобы принадлежать к одному из Союзов, надо было либо рыть носом землю, либо целовать задницы. Чего мой отец не стал бы делать никогда. Но за него вступилась справедливость. В Союз писателей его рекомендовал сам Александр Твардовский, прочитавший стихи моего отца в дивизионной газете. В Союз писателей отец был принят в 29 лет.

Все в юности казалось неподвластным времени. Из черных и коричневых штанов литераторов торчали мощные лейблы «Сделано в СССР», сами эти литераторы разгуливали по нашей квартире, пока не падали под силой гравитации на стулья, на диваны и полы. Тарабарские разговоры об искусстве, музыке, философии, феминизме, квантовой механике, мистике и других «темах времени» со скоростью света прожигали дыры в диалектическом материализме и научном коммунизме. Нецензурная лексика сопровождала накалённую атмосферу запретных разговоров. В свете торшера частички табака плыли в воздухе через полированные мебельные джунгли, полные газелей, танцующих на лужайках персидских ковров на высоких каблучках-копытах под звонкую мелодию советской поп-музыки. «Жил да был чёрный кот за углом».

Добавляя к вечеринке возбуждающий запах французских духов, шлюхи – стукачки в сапогах-чулках без стеснения затевали опасные разговоры насчёт запрещённой антисоветской подрывной литературы, и возможности её достать. Казалось, что они бессмысленно вызубрили магические имена, которые произносились шёпотом: Гумилёв, Северянин, Шаламов, Платонов, Набоков, Бердяев, Соловьёв, Орвелл, Ницше, Шпенглер, Замятин.

Гипнотический запах духов, табака и алкоголя проникал в извилины мастеров литературного труда, вызывая мгновенное желание покорить сердце очередной стукачки в обтягивающих колготках с пустым игривым взглядом лошади, готовой в любое время по команде брать барьеры, или заводной куклы, повторяющей одно и то же, стоит только завести её ключиком. Желание овладеть такой куклой под звуки виниловой пластинки, что надрывалась песней из кинофильма «Старшая сестра», было необоримо.

Как в песне Окуджавы, которую я запомнила и пела, на вопрос: «почему?», ответ всегда был один: «что был солдат бумажный».

Время он времени меня ставили на стул, и мама давала задание: «Ну, Анка, пой!». По команде я затягивала очередную песню. Больше всего аплодировали и смеялись, когда я пела «И я была девушкой юной, сама не припомню когда», или «Любишь – не любишь, не надо, Я ведь ещё молода, Время настанет – полюбишь, но будет поздно тогда». Особенно гостей веселила ситуация, когда я забывала порядок слов и, добавляя свои собственные, произвольные, пыталась сохранить смысл моего собственного понимания жизни. Их неистовый хохот провоцировал соседей, которые вызывали милицию. Милиционеры приходили, и мама поила их чаем с печеньем или тортом. Уходя, они говорили: «Пожалуйста, граждане, потише». Когда милиция уходила, гости, для пушего эффекта выпучив глаза, наперебой говорили моему отцу что я скорее всего буду актрисой. Я видела, что идея, что я могу стать актрисой, была отцу не по душе. У него на мое будущее были другие планы.

Ванная была самым оживленным местом в наших апартаментах и всегда была занята. Я наблюдала, как слабый пол стирал свои замоченные в сладких мускатных винах блузки и умело поправлял свои волосы в стиле “Bobetta” (самые популярные прически 60-х годов), с виртуозной точностью закалывая их металлическими штырями, в то время как сильный пол обсуждал с моим отцом великий труд Карамзина «История государства российского».

Не принимая участия в общем праздновании, в конце коридора бдительно стояла моя мать. Трезвое состояние было несокрушимым источником её силы.

Каждое утро отчетливый токсический запах хлорки проникал в затхлый, еще серый от табака воздух, и будил меня. Окруженная богемным распадом, окурками, пустыми бутылками, потерянными шпильками, забытыми дамскими сумочками, я мечтала, что когда-нибудь я сама стану обладательницей шпилек, чулок со швами и сумочки, в которой будут храниться губная помада и сигареты. Сама того не зная я уже была пассивным курильщиком с момента, как стала дочерью своего отца.

Рождение

Желание освободиться от хлорки, вьедливого внимания матери, пьяных поэтов, лживых оптимистичных новостей и однообразно скучной советской пропаганды, ежедневно несущейся из радиоприемника, подспудно накапливалось и оформлялось в расплывчатую цель, все больше обретавшую конкретность. Я мечтала вырваться на волю, хотя прекрасно понимала, что до шестнадцати лет, когда выдают паспорт, это не удастся.

Влияние нашей мамы было беспредельно. Она неотступно следила за каждым нашим шагом, и, как мы с братом ни старались, угодить ей полностью было нельзя. В лучшем случае удавалось услышать: «Ну, скажем, ничего». Как ротный командир, желая добиться послушания, вселяет в зеленых новобранцев чувство вины, так и наша мама, без потуг на аналогию, умудрялась делать с нами нечто подобное, и, видит Бог, ей это удавалось. В арсенале её инструментов для воздействия чувство вины было основным рычагом контроля. Мы с братом были единственным «всем», чем она владела безраздельно. Наше послушание было смыслом её жизни и льстило её чувству собственного достоинства.

Недремлющее око нашей матери бдительно наблюдало за нами даже в её отсутствии. Её влияние на все наши помыслы и поступки сделалось нашим неотъемлемым бременем с рождения и до последних дней.

Я поняла довольно рано, что придется нести этот крест, даже когда её не станет.

Мой отец был эксцентрик. Его поведение и ход мыслей не вязались с принятыми нормами. Он катался на фигурных коньках, был акробатом, носил странную одежду – главное его требование к одежде было удобство – он часто шил её сам. Ко всему прочему, он был поэтом. Оригинальности ему было не занимать. Также, он что видел, то и говорил. Ход его мыслей шёл по прямой, минуя социальный лабиринт. Он был как бронепоезд без тормозов, неуправляемый на ходу, чьи колеса мощно вращались, сметая всё на своём пути. Взрывные реплики, губительные шутки походили на обломки сломанной бритвы, невидимые, острые и болезненные. Он легко создавал социальную путаницу и страх повсюду; все чувствовали, что он готов ляпнуть в любой момент что-то невообразимое. Как следствие – он остался совершенно один. До конца своей жизни мой отец летал по своей собственной траектории, как птеродактиль в джунглях советского Мезозоя.

Вполне закономерно – жизнь моего брата оборвалась рано. Да и я сама, немало лет назад, лишь чудом не рассталась с этим миром.

Мой брат всегда, каким он видел идеал, стремился к совершенству. И находил для достижения его свои особо уникальные пути.

Однажды он подрезал острым ножом свои пальцы, чтобы сделать их миниатюрнее. Они должны были свободней бегать между черно-белых клавиш пианино, тем самым облегчая игру на инструменте его собственные джазовые композиции. По клавишам струилась кровь, а брат мой все играл, пока домашние не отвезли его к врачу.

Уже в сознательном, зрелом возрасте он собственноручно отрезал свой половой член, повинувшись беспрекословно командам злого голоса, который время от времени звучал у него в голове.

А еще через полгода он покончил жизнь самоубийством в сосновом парке на улице Кравченко, повесившись на бельевой веревке с паспортом в кармане и запиской: «Ухожу из жизни добровольно, так как она не оправдала моих надежд».

Мне до сих пор мерещится, что мы могли его спасти.

Со мной же ничего радикального и рокового не происходило. Правда, однажды я выпала в лаптах из окна третьего этажа. Причиной было спиртное. Я выпала, но не разбилась до конца. Судьба подарила мне новый шанс, вторую жизнь.

Но возвратимся к первой моей жизни. Её начало состоялось в Октябре, одиннадцатого дня. Около пяти утра я неумолимо двигалась по тугому негибкому вагинальному каналу матери. Мой мозг, беспомощно хлюпавший при каждой схватке, принял овальную форму, когда я вдруг удосужилась застрять. При невозможности использовать руки или ноги, со ртом, полным белого липкого безвкусного вещества, я все боролась и боролась, не беря во внимание, что моя мать устала от этого процесса. Белая клейкая паста, изобретательно созданная природой, чтобы защитить меня от бессмысленного глотания околоплодных вод, все глубже и глубже проникала в мое горло. Акушерка наконец поняла, что схваток не было уже два часа.

В 6 часов утра её хриплый уверенный голос произнес: «Арест родов. Немедленно начните внутривенное вливание – Окситоцин 4 мг. Повторять каждые 4 часа, пока схватки не начнутся опять, пока не станут прогрессировать, и пока голова ребёнка не покажется в промежности».

Большое чудо, что в восемь часов пятнадцать минут на окситоциновом экспрессе я прибыла в этот мир. Первый мой вдох добровольно я категорически отказалась сделать. В 8:20 утра меня жестко отшлепала по моей синей заднице акушерка, крепко знавшая свое дело. «Никто не умирает, когда дежурю я», – сказала она убеждённо, свирепо скалясь златозубой улыбкой.

Действительно, я вдохнула воздух в мои спавшиеся легкие, и умудрилась выдохнуть без проблем к всеобщему удивлению. Меня не показывали моим родителям в течение 3 дней – обычная практика в России. Для блага моего, для блага моей матери, для блага государства.

Отец приехал в «стерильную атмосферу» родильного дома в пижамных штанах, тапочках и самодельной шубе из овечьей шкуры. Он только что проснулся. Медсестре он грозно сказал: «немедленно покажите мне мою дочь».

Неожиданное появление моего отца привело команду медсестёр в движение. Они стали лучше обо мне заботиться. Называли отца полным именем – Юрий Петрович каждый раз, когда он появлялся в палате. Одна из медсестер была особенно добра и предложила ему кофе с молоком.

Рутину он освоил очень быстро. Натягивал на рыжие свои усы стерильную маску, оставляя только щелочки для глаз – прожекторов, которые, с ярким сапфировым блеском, пристально, смотрели через стеклянное окно в мою кроватку.

Один глаз моего отца всегда подмигивал из-за тика, который он приобрел в результате взрыва мины, почти мгновенно убившей его первого фронтового друга Тростина. Шрапнель разворотила Тростину живот и кишки его стали выпадать. Несчастный пытался запихнуть их обратно. Доли секунды, ставшими веками, Тростин боролся со своими кишками на глазах моего отца, пока не упал на зеленую траву, и затих. Случилось это в начале немецкого вторжения и оставило в сердце отца глубокий рубец.

После того, как отец увидел меня в первый раз, он очень взволновался. От мысли, что я могла быть не его. Пытаясь найти ответ, он долго всматривался в моё сморщенное лицо. С тревогой он понял, что ответа пока нет. И испарился на пять дней.

О его местонахождении только гадали, когда он появился снова. Овечьё пальто пропало без вести, руки его дрожали, но в мыслительном процессе была ясность. Из кармана его брюк, остатки пиршества, торчали огурец и сардина и, как вспоминала моя мать, они воняли.

Момент, однако, был бесспорно исторический. Отец твердо решил, что я его дочь, потому что у меня были огромные руки, точь-в-точь как у него. И тотчас в голове его родился план: если я чудесным образом выживу, со мной будут обращаться, как с солдатом в греческом городе Спарта в 650 году до рождения Христова. И я стану выносливой и непобедимой.

По свидетельствам очевидцев, выглядела я уродливо. Косая, от слабости глазных мышц, с овальной головой, покрытой, поверх моего мягкого пятна лысого черепа, желтыми пятнами защитной смазки. Из-за нелегких обстоятельств появления на свет, казалось, будто у меня неопикуемый синдром, и что могу я стать умственно отсталой, а в жизни недотёпой. Кроме того, у меня была стойкая раздражающая привычка сосать свои и чужие пальцы, что в меди-

цине на самом деле хороший знак. Один из необходимых рефлексов, по крайней мере, был налицо. Но это жутко напугало мою мать. Для нее это означало обретение кучи микробов, которые немедленно, куда больше, чем в геометрической прогрессии, начнут размножаться, и погубят сначала меня, а следом всех из моего окружения.

Обстоятельства моего рождения кто как хотел, так и толковал. Я провела длительное время в гипоксии в утробе, и последствия этого редко кто берет во внимание.

Кислородное голодание сделало меня медленной и молчаливой. Я пыталась сберечь кислород, проявляя явную апатию к окружающему миру.

Преодоление кислородного голодания мной еще не окончено. Едва родившись, я сразу начала стареть, продвигаясь с роковой необратимостью к моему завершительному этапу – смерти.

В наше время в генетике предпринимаются попытки объяснить смертность, которая кодируется в неизбежной потере теломеров (частичек хромосом): вначале теломеры выполняют защитную функцию – они удерживают свободные концы хромосом от слияния воедино, и защищают, таким образом, от бесконечных произвольных комбинаций, возможно – неправильных и непоправимых. Также теломеры мешают случайному слиянию с другими хромосомами наугад, без всяких правил (что может случиться – страшно подумать). Они напоминают бесконечные колбаски в «столичном салате», который советские граждане подают к столу каждый грёбаный праздник. В конце концов, теломеры убивают нас, отказываясь от собственного дальнейшего деления. Наша смертность предопределена и закодирована. До сих пор моё путешествие из ничего в ничто полно ухабов.

Мое рождение было поразительным событием для всей семьи, но не в хорошем смысле этого слова. Мало того что, я была ребёнком незапланированным, ещё я день и ночь орала. Виной тому была так называемая «колика». Необъясненный и поныне феномен. Диагноз ставился без каких-либо анализов и обследований. Колика была неизбежна. Кишки новорождённого коротки и не совершенны.

Противостоять моей колике, сдерживать мой вечный крик, вменилось в обязанность моему бедному брату. Фатально безнадежная попытка. Инфантильной колике 2,3 миллиона лет и до сегодняшнего дня она очень плохо изучена. Лекарств от колики нет. И брат мой, чтоб я как-то замолчала, стал бегать со мной на руках.

Во время пробежек вверх и вниз по улице Осипенко мой брат понял бесполезность этой акции, не могущей хоть что-то изменить. Он винил себя, что у матери депрессия, что она устала и печальна, больна, о чем она не уставала говорить. Мой брат энергией всех сил хотел её утешить, ей угодить, носясь со мной, как ненормальный. Но победить мою колику даже ради нашей матери было невозможно. Вскоре его силы истощились.

В конце концов, так как все мамино время было занято перепечатыванием на пишущей машинке стихов и переводов моего отца, а мой брат оказался ей не помощник, для меня срочно наняли няню. Но вскоре, к ужасу, моя мать заметила, что брат мой в эту няню влюбился. Потенциальная соперница в обладании душой моего брата нашей маме была не нужна, а также, со своим предупредительным мышлением, она справедливо испугалась рождения внуков, которых нужно будет прописывать на принадлежащую ей жилплощадь.

Опыт её собственных замужеств был тяжёл. Она все еще злилась на отца моего брата, своего первого мужа, винила его за индифферентность. Он был музыкант, свободный духом алко-голик, который, как она говорила, не понимал простой разговорный язык. Он понимал только музыку, а мама музыкантом не была. Разногласия их были непримиримы, они разошлись.

Её второй промежуточный муж был, казалось, её идеалом. Он был инженером и не пил. Однако они тоже не сошлись, так как он пристально за ней наблюдал. Время от времени, он её спрашивал, поглаживая столовый нож за ужином, где она была и что делала. Детей у них не было. Развод был прост, без драм и алиментов.

Третий мамин муж, мой отец, был прекрасный собеседник и, к прочему, он был поэт. Мама поэтом не была, во всяком случае, номинально. Отец часто читал ей свои стихи, искал её одобрения. Критиком она была строгим, но справедливым. И, вообще, старалась быть человеком правильным, не пила вина и не курила сигареты. Мы, её дети, не унаследовали её силы. Мы унаследовали от прежних поколений внутреннюю тревогу, неуверенность и утрированное чувство хрупкости окружающего мира.

Память

Мой мозг зафиксировал, что когда-то я была в детском саду. Понятие добра и зла одно из самых фундаментальных, которые определяют характер. Знание добра и зла дано свыше, заложено в нас. Это таинственный внутренний голос, который мы пытаемся заглушить изо всех сил.

Я чувствую, что я под наблюдением. Это моё первое столкновение с посторонним взрослым. Меня охватывает тревога. Я во власти охранницы в белом накрахмаленном халате и очках в роговой оправе. Я понимаю, что мыслить рационально я ещё не способна. Я чувствую, что взрослая относится ко мне недоброжелательно. Что-то во мне её настораживает. Она знает, что я сомневаюсь в её полномочиях и не желаю ей подчиняться. Она это видит и манипулирует мной так, чтобы я оказывалась в непривлекательных позициях, тогда она может меня наказывать за непослушание. Таким образом, я приобрету дурную славу – тогда меня и моих родителей будет проще контролировать, и шантажировать как что не так.

Меня переполняет чувство страха и глубокого одиночества. Я окружена десятками детских кроватей. Все спят, кроме меня. Я начинаю плакать. Незнакомку в очках это раздражает. Я перестаю плакать так же резко, как начала. Она морщит нос и поворачивается ко мне спиной. Нытиков никто не любит. Кажется, она опять поставит меня в угол.

В последнее время некоторые считают, что «Я» зародилось в загадочном органе, который нейробиологи называют Таламус. «Я» получает постоянную информацию из разных структур мозга: Globus pallidus, Nucleus Serellus, Substantia Nigra, Reticular Formation и прочих других, ответственных за сознание и ощущение окружающего мира. В зависимости от поступающей информации возникает та или иная реакция. Говорят, что у зародыша передняя половина нервной трубки, которую называют тегментум, закладывается рано и имеет относительно неизменную структуру на протяжении всей жизни, с момента её возникновения. Возможно, эта структура символизирует душу. Она выдается каждому после зачатия, порция коллективного супа из нейротрансмиттеров, который варится веками. Архетипы и характеры часто предопределены, но их вариации всевозможны и бесконечны. Мифы, написанные тысячи лет назад, до сих пор имеют смысл. Медуза Горгона, чья красота превращала мужчин в камень, Медея, которая убивала своих детей, Прометей, Икар, Афина Палада, Венера (Афродита) и так далее – все они реальные характеры, которые повторяются в бесконечных вариантах. Удивительно то, что они сами об этом не знают. Увидеть их в повседневной жизни очень трудно, потому что очевидность вариантов и социальная мимикрия помогают сохранять фасад.

Иногда я чувствую, что у меня есть чужие знания, чужой опыт, или чужие мысли из прошлых веков, или из будущего. Мой брат тоже жаловался на проникновение в его мозг посторонних мыслей. Он утверждал, что мысли были не его собственные, что они пришли к нему из космоса. Я с ним соглашалась. Из космоса приходит все.

Однажды он сказал, что одна сука, которую он видел вчера в автобусе, имела прозрачный мозг, и он видел тараканов в ее мозгу, и у них были антенны. Они получали информацию, которую только он мог интерпретировать. Это было что-то о подпольных плантациях баклажанов, которые производят «черную клетчатку» при гниении. Её перекачивали из цистерны в хлебный напиток под названием «квас». Мой брат думал, что этот квас перевозили по железным дорогам в цистернах приговоренные к смертной казни заключённые. После того, как они выполняли своё задание, приговор приводился в исполнение. Иногда их тела находили в подземных канализационных трубах, резервуарах, а также в метро.

Черная клетчатка прибывала в 5 часов утра на площадь трех вокзалов в Москве, и оттуда путешествовала по улицам столицы в мозг советских граждан. Выпив квасу, мы все становились придурками, не способными думать сами за себя. Чёрная клетчатка проникала в

наши синаптические расщелины, конкурируя с нашими эндогенными нейротрансмиттерами и эндорфинами. Черная клетчатка меняла наш мысленный процесс. Похоже на идею фикс? Не так уж идея брата была фантастична, как казалось. Я перестала пить квас.

Мысли, эмоции и движения плотно взаимодействуют. Все ядра центральной нервной системы производят и регулируют таинственный суп-раствор нейротрансмиттеров и взаимодействуют друг с другом, регулируя наш характер. Вопрос тысячелетий, почему мы делаем это или то. Ситуация диктует, и наша реакция может быть большим сюрпризом для нас самих. Юрисдикция и психиатрия в зачаточном состоянии, говорил мой брат. Так называемые «Нормальные» могут делать ненормальные поступки, и наоборот. Что такое «Нормальность»?

В нашем доме жил шизофреник – кататоник. Большую часть времени он проводил в психиатрической больнице. Кататония гротескное и таинственное состояние, вызванное загадочным действием нейротрансмиттеров в мозгах. Я много думаю о кататонии. Это пугает меня, так как мне кажется, что душа кататоника заперта в клетке, как будто заколдована. Его мысли, эмоции и движения заперты на замок. Никто о них ничего не знает. Чувство времени, пространства не существуют. Или, может, его душа сжата до размера булавоочной головки, как чёрная дыра, откуда ничего не выходит?

Я иногда представляла, что душа кататоника может быть расплывчата, как чернила на промокашке, без чётких границ. А, может, их мысли и восприятия так противоречивы и одновременно, что нормальное существование, в кавычках, невозможно? Поэтому они находятся в одной и той же позиции годами. Импульсы стой-иди, плачь-смейся, кричи-молчи воспроизвести одновременно нельзя.

Абстрактное искусство и есть настоящий реализм. Абсурдизм, сюрреализм, символизм более реальны чем реализм, когда нет объяснений чувству, ощущению, предчувствию. Но они реально существуют! Кстати, объяснений нет нашему рождению, смерти, существованию. Почему сперматозоиды несутся, как оглашенные, в направлении яйца? Они пересекают огромные расстояния и далеко не все, а только один, закончит миссию. Легко сказать, что всё закодировано в генетической информации. Но кем? Могут ли, с одной стороны, невероятная точность, а с другой – полная случайность, существовать одновременно?

Как говорят, чем больше знаешь, тем больше понимаешь, что не знаешь ничего.

Теория великого взрыва, как начало всех начал, не отвечает на вопрос, а рождает новые и новые вопросы. Мы можем полететь на Луну, но мы понятия не имеем, откуда мы, откуда наша планета, откуда космическое пространство? Пока что известно, что только Земля окружена атмосферой, покрыта деревьями, которые производят кислород, которым мы дышим. А Вода! Волшебная вода! В утробе мы находимся в воде и употребляем кислород, растворённый в крови. Мы развиваемся от клетки до рыбы, до амфибии, до человека, большая часть тела которого – вода.

Согласна, был великий взрыв, а вследствие чего он мог произойти? Сумасшедшее дерьмо!

Темная и отрицательная миндалина Амигдала, часть лимбической системы, есть Дьявол, говорил мой брат. Паранойя, тревога и страх берут верх. Абстрактное мышление, творчество перестаёт существовать, душа исчезает под примитивным рефлекторным существованием. Энтропия, неопределённость, смерть становятся орудием тёмных сил. Те же самые силы становятся светом, спасением, генераторами искусства, бессмертия, непоколебимой верой в доброе начало. Эпиграф к «Мастеру и Маргарите», взятый Булгаковым из «Фауста» Гёте: «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает добро», цитировался моим братом очень часто.

Способность производить поддельные выражения лица высоко ценится всегда, и является одним из самых ценных достижений в прогрессивном обществе. Притворство поощря-

ется. Когда люди создают фальшивые выражения лица, все чувствуют себя в безопасности. С глазами труднее, как говорится, они зеркало души.

Некоторые люди говорят руками. Все, что я могу сказать руками, это согнуть предплечье в локте, что значит – «отвали, моя черешня».

Ночные кошмары и ночные терроры также загадочные явления. Ночной террор возникает во время фазы «глубокого сна». Кошмар возникает во время REMа, мы просыпаемся, страх нас обволакивает, двинуться невозможно, мы как бы парализованы. Интересно, что наши глаза бегают во сне, хотя нет визуального стимулирования. Часто во сне мы видим целые эпизоды, незнакомых и знакомых людей и новые места. Многие дети имеют терроры, которые возникают во время глубокого сна, когда мышцы в активном состоянии. Они часто передвигаются во сне с открытыми глазами, все функции работают. Как говорят, свет есть, а дома никого нет. Если их разбудить, они обычно выглядят сконфуженными и ничего не помнят. С возрастом ночные терроры обычно исчезают. Только 1 % населения продолжают видеть их и путешествовать во сне, но это в обществе особенно не обсуждается. Эти ужасы ответственны за приведения и призраки. Это другая реальность, когда мы чувствуем «присутствие» во время ночного террора. Что-то или кто-то присутствует. Но кто? Мы называем эти феномены необъяснимыми, паранормальными.

Ретикулярная формация позволяет нам бодрствовать и быть в сознании. Мы проснулись, и где мы были? Почему мы спим, почему мечтаем, вспоминаем? Я не знаю, черт возьми, что я говорю!

Я опять вспоминаю себя в детском саду. Я слышу, что мои нервы ломаются с треском, как спагетти. Я испытываю опять чувство страха потерять свободу.

Все крепко спят. Я стараюсь не шуметь. Накрахмаленный халат сидит на стуле в углу. Читает газету.

... сломанные кусочки нервов продолжают свободно падать в огромный сосуд с громким шипением. Я в облаке сгущающейся печали и чувствую, что я одна с незнакомыми мне людьми. Я встаю с кровати и бегу по паркету так быстро, как я могу. Прочь, прочь, прочь, пока сильная рука не хватает меня за воротник моего платья на лестнице. Я в воздухе. Выхода нет, и я это знаю. Я чувствую в горле шар, сделанный из стали. Шар гладкий и очень твердый. Хрящевые кольца моей трахеи зажаты в кулаке надзирательницы. Я пытаюсь проглотить стальной шар, но не в состоянии это сделать, независимо от того, как сильно я не стараюсь. Я начинаю задыхаться. Я чувствую, как миллионы раскалённых иголок застревают у меня в ушах. Моя голова вдруг лопается, как воздушный шар.

Я вижу темно-красную туманную субстанцию, затем всплеск тепла, а затем окружение заметно становится холоднее. Я выскальзываю из инфракрасного спектра в удивительно белое сияющее блаженство. Я потеряла свой вес, наконец-то я свободна.

Наступает утро. Я постепенно обретаю массу, открываю глаза, вижу мою одежду на стуле. Пора вставать.

Говорят, мой брат психически болен. Говорят, его психика раздроблена. Фрагменты не связаны между собой. Одна часть его «Я» не знает иногда, что делает другая. Фрагменты – много разных людей, которые столпились под одной крышей. Части его «Я» блуждают между планетами и звездами в окружающем пространстве – времени, как кусочки картофеля и моркови в овощном супе. Он иногда смотрит на меня так, будто он не знает, кто я. Кроме того, он хочет умереть. Я не думаю, что это неправильно – хотеть умереть. Мы все будем мертвецами в никому не известный момент.

К сожалению, или скорее к счастью, кажется, что нет явной цели или причины нашего существования. Хаос и энтропия с одной стороны и странный конечный баланс бесконечных компенсаторных явлений с другой. Таинственная уникальная точность во взаимодействии молекул и ионов. Заряженных и нейтральных частиц. Материя имеет массу. Свет не имеет

массы. Одно переходит в другое. Всё превращается в ничто. Точно, как в Библии. Да будет свет! Фотоны – безмассовые частицы света движутся со скоростью 300.000 км в секунду. Время при таких скоростях перестаёт существовать. В формуле энергии Эйнштейна время сокращается математически. Так называемая Тёмная Материя замедляет скорость принижающего света-фотона в пространстве-времени, так что он приобретает массу, которая становится материей (Хиксбоссоны). Свет превращается в Материю, а Материя опять расщепляется на элементарные заряженные и нейтральные частицы, кварки, мезоны и т. д., возникают опять фотоны (свет). Как Тёмная Материя это делает? Сумасшедшее дерьмо!

Американские рабы работали до смерти и изобрели самую свободную музыку в мире, которая родилась в их кишках. Работая тяжело, они свободно и легкомысленно пели. Слова вроде бы простые, но в этом их гений. Чем больше легкомыслия, тем лучше. Это был их отдых. Их чувство юмора помогает мне до сих пор. Я не понимала ни слова из того, что они пели, но моя душа и мои внутренности пели вместе с ними. Абсолютная свобода существовала прямо здесь, в моей голове и кишках. Одновременно, я также поняла, что это не значит, что я могу говорить все, что хочу, в моей стране.

Впервые пластинку Фрэнка Заппы я услышала в квартире моей одноклассницы Шкоды, которая на годы приехала из Банкока в СССР. Её отец был журналист. Она жила на улице Вавилова. Мне было в то время 16 лет. Шкода перевела мне некоторые куплеты, если так можно выразиться. Я долго не могла опомниться от того, что где-то люди могли говорить всё, что им приходило в голову, и даже записывать это на пластинку.

Одноклассники донесли о моем визите к Шкоде директору школы Мыльникову, истинному коммунисту. Я до сих пор помню его лицо. Он плевался капельками слюны налево и направо, крича, что у меня нет гордости, что я общаюсь, как он выразился, с обитателями джунглей. Он сказал: «все начинается с прослушивания Западной музыки. Советский подросток не должен иметь ничего общего с буржуйской музыкой. Иностранцы, оказывается, ежедневно крали наши государственные секреты. Ты даже сама не заметишь, как расскажешь что-нибудь, что может быть полезным иностранным державам».

Как насчет чернокожих рабов, которые пели блюз, черт возьми? Это тоже капиталистическая музыка?

Детский сад

На следующий день меня привели обратно в детский сад, который занимал второй этаж старого монументального здания в Комсомольском переулке, в центре Москвы. Оно было построено задолго до революции. Блестящие, бесконечные паркетные полы были полны опасности, как глубокие неизвестные воды. «Негде спрятаться», подумала я.

Страх и тревога разделённости с моей семьёй возникают в улитке моей миндалины Амигдалы. Сознание того, что я отделенный человек и разделена от других тонким слоем кожи, обжигает мою грудь. Детский сад-это идеологический подготовительный курс к коммунистическому будущему. Промытые и выжатые мозги, необходимы для будущего существования. Лозунг «Вперёд к победе коммунизма» был не понятен. Все остальные, как-будто понимали скрытый смысл этой шарады. Все кроме меня. Где этот самый коммунизм и как до него добраться?

Воспитательница-охранник читает рассказ в окружении крошечных стульчиков, в которых сидят крошечные люди и слушают советскую сказку о маленьком Ленине (полное враньё) и о мальчике Павлике Морозове – герое, который помог НКВД арестовать своего собственного отца – «кулака» – трудолюбивого независимого ни от кого фермера, который отказался подчиниться правительству, не от злобы, а от рассудительности. Кто лучше его будет обрабатывать его собственную землю кроме него самого?

Стучать на своих родителей, братьев, сестер и друзей было благородным делом. Один из детей, мальчик с темными вьющимися волосами поднимает руку. «Мой отец», сказал он, «делает дома книги». Учительница-охранница подняла бровь: «После чтения зайди ко мне в кабинет».

Павлики существуют везде, среди членов семьи, среди друзей, среди посторонних, которых мы не знаем, но они знают нас.

Воспитатель-охранник встает и подходит к моему маленькому стулу. Для нее очевидно, что я не слушаю. Я оказываюсь в углу комнаты у окна. Я теперь сама по себе, я не часть её аудитории. Большие деревья за окном не обращают внимания на рассказ про Павлика Морозова. Я продолжаю смотреть на деревья. «Я уже знаю, что существую».

Воспитательница пытается изменить уникальный порядок моей генетической информации, закодированный в ДНК – тысячелетиями взаимоотношений разных индивидуумов между собой перед моим возникновением. Я сосуд полный таинственной смеси, которую она пытается разбавить коммунистической пропагандой и идеологией. Она хочет, чтобы я отреклась от своих предков, которые жили задолго до революции. Я часть длинной, нескончаемой цепи – вечности. Она не верит в вечность. Она верит в победу коммунизма.

Воспитатель-охранник старательно пытается сделать из меня картофельное пюре с подливкой или кашу, которые будут съедены ею и другими ответственными членами за обедом. Она кормит меня псевдолитературой день за днем, надеясь, что я проглочу эту коммунистическую белиберду. Она уверена, что белиберда превратит меня в ходячую агитку и я стану превращать остальных в картофельное пюре с подливкой или в кашу. Она чувствует моё внутреннее сопротивление. Она заставляет меня громко повторять: «Я такая как все, я такая как все, я такая как все». Она удовлетворена и думает, что выиграла. Она не знает, что думаю я. «Думай, но не говори» – учит меня отец. Я смотрю в окно. Надзирательница кричит: «Смотри мне в глаза бестолочь!» Я вижу её глаза. Они, как броня – чёрные, металлические, непроницаемые.

«В следующий раз, когда она попытается меня ухватить меня за воротник, я её укушу», – думаю я и мысленно добавляю: «стерву!».

Мы начинаем петь «Широка страна моя родная». Я хочу петь песню американских шахтёров «Шестнадцать тонн», которую я слышала под столом с пластинки моего брата. Я пою мотив про себя. Всем кажется, что я пою со всеми вместе.

Дома я снова вижу небо своими глазами-щелями. Оно безмятежное, торжественное и голубое. Я испытываю необъяснимое чувство, что являюсь частью этого неба. «Я эфир, я воздух, я звездная пыль». На Солнце больно смотреть. Я закрываю глаза. Появляются тёмные пятна, потом яркие радужные кольца поглощают меня. Мне кажется, что я теряю сознание.

Абстрактное мышление – ключ к искусству. Я формирую эмоциональную память своего присутствия в космосе. Я подвержена беспокойству и тревоге которые работают одновременно как защитники, так и разрушители. Я в огнедышащем кратере эмоций. Я слышу голос моего отца: «Учись передавать свои эмоции словам! Попробуй! Ну! На что они похожи? Кем ты себя чувствуешь? Богиней? Героиней? Жертвой? Предательницей? Садись, буду читать тебе мифы и сказки. Может, станешь психологом?». Я пытаюсь сосредоточиться, но не могу. Кто такой психолог? Прямо катастрофа!

Мой брат

У меня был брат. Теперь его нет. Мне было 15, когда в феврале 1972 года он покончил жизнь самоубийством. Он сознавал, что он был болен. И копался в советских анналах психиатрии, чтобы помочь самому себе.

Мой бедный брат никогда не понимал комплекса матери, который тяготел над ним и надо мной. Мать пыталась выжить сама и не знала или не хотела знать масштабы разрушений, которые она производила. Психика моего брата и моя психика были в её полном распоряжении, и брат мой не нашел иного выхода, как через смерть, чтоб стать счастливым и свободным. Он считал свою жизнь полным провалом.

Диагноз ему поставили в 17 лет. Безумные идеи у него появлялись задолго до того. Конкретно к нему кто-то обращался из телевизора, из радио, из космоса. Он генерировал эти невероятные мысли сознательно, ни у кого не находя понимания. Друзей, поддержки, ни каких-либо надежд у него не было. Будто проклятие какое тяготело.

Возникавшие в нем важные идеи были порядка того, что необходимо в жизни что-то «исправить». Все было не так в окружающем его мире. Однажды, во время стажировки в маленькой деревне, он перестал пить воду. Она была «заражена». Вместо этого он покупал в магазине бутылки пастеризованного молока или кефира.

Он придумывал множество необычных диет, ища оптимальное количество белка и фосфора для своего мозга, и питался тем, чего никто другой не смог бы есть.

Без особых соматических жалоб он обращался к врачам клиники с просьбой проверить уровень редких металлов и микроэлементов в его крови. Естественно, что получал отказ.

Меланхолические стены психиатрической больницы «Соловьёвки», здания из желтой штукатурки, отделяли людей безумных от людей «нормальных». Правила посещения были строгими, исполнялись жестко. Посетители, как и больные, все время находились под неустанным наблюдением. Никто не исключал что члены семьи тоже люди сумасшедшие или могут сойти с ума в любой момент.

Чтобы навестить кого-то в сумасшедшем доме требовалась смелость и твердость духа. Безумие в тогдашней нашей стране воспринималось как почти антисоветчина. Советские граждане не имели права сходить с ума так как они жили в одной из самых благословенных стран мира. Поэтому тем, кто безумен, пощады не было. Точно так, как не было пощады слабым «дегенератам» во времена Третьего Рейха. Они оскверняли первосортную нацию, не могли быть полноценными членами общества, и их отправляли в лагерь уничтожения.

Коммунисты, как и нацисты, любили представлять себя чрезвычайно здоровыми, плодовитыми, красивыми людьми. Понятие красоты диктовалось государством. Скульптура Мухомовой являла пример первосортных экземпляров тел советских женщин и мужчин. Наплевать на всем известный факт, что 1 % населения во всем мире рождаются шизофрениками, несмотря на политический строй и остальные предпосылки.

Знания нужно уметь использовать в контексте индивидуальности больного. Главное, научить больного, как с его заболеванием функционировать в жизни. Советской психиатрии было не до того. Она прозябала в зачаточном состоянии и была хороша только для изоляции неудобных. Судьба брата была predetermined. Побороть свой собственный невроз, поняв своё собственное подсознание хотя бы частично, удел гениев. Об этом говорил Карл Густав Юнг в своей лекции в 1938 году, которая была потом напечатана под названием «Четыре архетипа», том 9, Часть I.

Несмотря на болезнь, мой бедный брат к моменту своей смерти успел закончить Тимирязевскую академию, стал инженером системы водоснабжения, хорошо играл на фортепьяно, а на факультете геологической инженерии заканчивал последний курс.

В 1971 году он опять прокручивал свою старую идею – «исправить», и она приобрела новый безвозвратный курс. В тот день он кастрировал себя обычным хлебным ножом, заточенным до остроты испанского кинжала.

Безумие

По рассказу моей одноклассницы, которая жила в нашем доме, милиция приехала по звонку из местной поликлиники, чтобы отыскать отрезанную часть тела. В это время мой брат, без сознания, уже был в машине скорой помощи по дороге в больницу.

Моя мама подходила к нашему дому, возвращаясь из кинотеатра. Вокруг подъезда и на лестнице, ведущей в нашу квартиру, была толпа соседей. Ей потребовалось некоторое время, чтобы понять, что объектом внимания толпы была именно наша квартира. Дверь в квартиру была взломана. В ней милиция, с привлечением понятых, вела обыск. Как оказалось, на предмет обнаружения части тела моего брата. Высокий офицер милиции подошел к моей маме и спросил, не она ли мать пострадавшего. Ещё откуда-то сбоку к маме двигался другой офицер. Он сильно потел, держа в руках мешок со льдом. На прозрачном льду лежало нечто, это был отрезанный пенис.

Пенис моего брата лежал неподвижно в мешке со льдом, а толпа вокруг моей матери сжималась все теснее. Матери удалось, наконец, протиснуться в квартиру. Лужа крови посреди комнаты уже потемнела. Кровавые следы вели на кухню, потом – к входной двери. И просматривались на лестничной площадке.

Толпа кипела разноголками: почему, черт возьми, мой брат себя кастрировал? Но главный вопрос был в том: использовал ли он анестезию?

По-видимому, он был потрясен возникшим сразу столь обильным кровотечением. По следам было видно, что он пересек комнату, остановился на секунду на кухне, схватил полотенце, чтобы зажать хлеставшую кровь, и выбросил свой бывший член в помойку.

Такого сильного кровотечения он, конечно, не ожидал. Внезапно до него дошло, что теперь ему придется иметь дело с последствиями своего поступка, которые казались ему куда страшнее самого акта. Потеря крови вызвала головокружение и тошноту. С минуты на минуту могла вернуться мать – и это было самым страшным. Придавливая рану грязным кухонным полотенцем, он в панике на выбросе адреналина пробежал три квартала до ближайшей поликлиники. Ворвавшись туда, он потерял сознание. Персонал вызвал скорую помощь. Его отвезли в институт Склифосовского.

– Гражданка, мы нашли это в помойном ведре под раковиной, – продолжал офицер. – Хирурги в Институте Склифосовского ждут.

Мама смотрела, ничего не видя. Когда милиция начала спускаться по лестнице, она поспешила за ними и выскочила на улицу. Сирена заглушила просьбу моей матери – взять её с собой. Она пробежала пару метров за машиной, потом вернулась к подъезду и села на тротуар. Мысли её унеслись в 1941 год, когда мой брат умирал от дизентерии в поезде во время эвакуации из Москвы в Алма-Ату. Она шептала: «Мой мальчик всегда был очень болезненным ребенком».

Утешить друг друга мои родители не могли. Мама, казалось, не хотела, чтоб ее утешали. Она ненавидела всех, кто пытался ей помочь. Но как пережить это безумие она не имела понятия.

Я приехала из летнего лагеря через три дня после этой катастрофы. Лицо моей матери было опухшим, в глазах страх. Общаться со мною она не могла.

Отец прилетел из Азии на самолёте в тот же вечер и тут же ушел в запой. Он заснул непосредственно в ванной, заткнув верхний сток головой. Нижний сток был закрыт пробкой. В течение нескольких часов вода бежала через край. Наконец, он проснулся и выпрыгнул из ванны, будто в ней был аллигатор или бомба. Я слышала как он сквернословя пробежал через гостиную.

Утром деревянные полы нашей квартиры стали похожи на дюны пустыни Кара-Кум. Деревянные доски вздулись, образовав волны. С треском они падали на чёрную смолистую поверхность бетонного основания, когда я на них наступала. Журнальный столик поднялся в воздух. Я попыталась добраться до ванной и упала, защемив моё правое ухо между досок паркета. На карачках я добралась до ванны. Дома не было никого.

Когда мои родители вернулись, я спросила, где мой брат. Они мельком глянули друг на друга, и мой отец сказал, что произошел несчастный случай, и что у брата моего была травма нижней части живота. В воздухе чувствовалось, что происходит что-то непостижимое. То, что мой брат жив, и что теперь он «в безопасности» в больнице, не звучало обнадеживающе.

Выписали брата из Склифосовского через две недели в пятницу. Никаких вопросов мы ему не задавали. Говорили о погоде, о возможности уехать жить в деревню. Мой брат в разговорах участия не принимал.

Он заметно похудел, был бледен, и, повернувшись лицом к стене, подолгу лежал на софе. Первую ночь после выписки он спал. Я вглядывалась в тёмноту и прислушивалась к его дыханию.

В понедельник утром он ушёл на работу, но подозрительно долго не возвращался. Оказалось, что сослуживцы на работе от него шарахались, бросали косые взгляды, старались его избегать, или попросту игнорировали. Остаток дня он провёл в библиотеке. Во вторник он остался дома.

Когда, я вернулась из школы, дома уже были санитары, которые забирали моего брата в психиатрическую больницу. Он попытался убежать через балкон, но его быстро скрутили и усадили в кресло. Моя мать пыталась его успокоить, советовала ему не противиться эскорту в нужную инстанцию, которая, по её словам, может помочь. Я слышала, как мой отец вызывал по телефону такси, чтобы ехать следом за моим братом, куда бы его не повезли. К сожалению такси, как и любой другой транспорт, не ходили в тот кошмарный мир, в котором пребывал мой брат.

Наш дом хранил следы борьбы. Как следователь, я осматривала каждый сантиметр нашей квартиры, чтобы получить ответ на вопрос, который мучил всех нас. Что будет с моим братом?

Торшер валялся на полу. Обеденный стол, во время борьбы сдвинутый с места, криво стоял посреди комнаты. С него медленно сползала скатерть, оголяя полированную поверхность, которую моя мама лелеяла и холила годами. Чайная ложка и нож валялись на ковре в крошках макового рулета. Не зная, что делать, я подняла ложку и выбросила её из открытого окна. Ложка упала в сад. Я прислушалась. За окном было тихо. «Осень», – подумала я. Через месяц мне исполнится пятнадцать. Моя жизнь только начиналась, а жизнь моего брата неумолимо шла к концу. Тяжёлое предчувствие обволокло и сковало моё худое угловатое тело. Явно должно было случиться что-то непоправимое. Мне показалось, что в коридоре кто-то вздохнул. Я обернулась и увидела тень, которая как густое чёрное облако висела в дверном проёме коридора. Я подняла с пола кухонный нож и с размаху воткнула его в поверхность стола. Из всех сил я надавила на ручку, оставляя на полировке глубокую кривую отвратительную царапину на века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.